

- Marinescu-Bîlcu S.* 1974. *Cultura Precucuteni pe teritoriul României*. București: ARSR.
- Müller J., Hofmann R., Müller-Scheeßel N., Rassmann K.* 2011. *Zur Sozialen Organisation Einer Spätneolithischen Gesellschaft in Südosteuropa // Hansen S., Müller J. (Hrsg.). Sozialarchäologische Perspektiven. Gesellschaftlicher Wandel 5000–1500 v. Chr. Zwischen Atlantik und Kaukasus (Tagung Kiel 2007)*. Archäologie in Eurasien 24. Köthen: Zabern, 81–106.

Палагута И. В.

Ответ оппонентам

Прежде всего, хотелось бы поблагодарить всех коллег, принявших участие в обсуждении статьи. Их замечания позволяют существенно дополнить высказанные в ней соображения, а также затронуть проблемы, давно требующие обсуждения.

Начну с вопросов, поднятых П. М. Кожиным и С. Церной относительно предложенного варианта модели раннетрипольского расселения, палеодемографических и палеосоциологических реконструкций. В настоящей работе эта тема была вторичной, но рассмотреть ее было необходимо для создания цельной картины культуры, для системного обоснования моего подхода к исследованию пластики.

Выявленные за последние годы новые памятники не только существенно дополняют картину, но и показывают значительную плотность заселения западной части ареала, откуда происходило расселение. Возможно, их исследование и публикация материалов представят возможность более полно раскрыть причины раннетрипольских миграций. Необходимо дальнейшее комплексное исследование систем трипольских поселений, опирающееся, прежде всего, на анализ их керамических комплексов. Именно на этой основе была выстроена относительная хронология в группах памятников начала развитого этапа — Триполья VI (Палагута 2000). Для изучения поселенческих систем важны и палеоэкологические реконструкции, однако ограничиваться констатацией только факта находок костей лесных животных и на основании этого делать вывод о том, что современная лесостепь представляла в древности зону сплошных лесов, по-видимому, не стоит: есть еще данные палинологии (см., например: Кременецкий 1991, etc.). Кроме того, мы не имеем данных о древних ареалах лесной фауны. Например, ее присутствие на памятниках Пруто-Днестровского междуречья может быть связано с горным лесным массивом Кодр.

Несмотря на гипотетичность ряда аспектов предложенной картины, существенным для дальнейших социальных реконструкций является вывод о том, что для Триполья-Кукутени в раннем и начале развитого периода характерна подвижная система, исключаящая иерархию поселений, характерную для сложных обществ. Более детальные социальные реконструкции, конечно требуют серьезного анализа не только пластики, но и других категорий инвентаря.

Но вернемся к основной теме статьи, посвященной наборам статуэток. Здесь комментарии четко группируются по принципу либо принятия работы (П. М. Кожин, М. Порчич, С. Церна), либо ее полного отрицания (Н. Б. Бурдо, В. И. Балабина). Причина — в подходах к исследованию пластики.

Замечания М. Порчича и С. Церны позволяют поставить новые вопросы, дополнить и расширить предложенные варианты интерпретации. В частности, предположение о симметрии в группе сидящих на креслицах персонажей и выделения среди них женской фигурки, которой могло соответствовать «рогатое» креслице, несомненно, требует дальнейшего обдумывания.

Симметричную структуру имеет и набор из 13 фигурок из с. Малиновцы периода Триполье BII–CI, приведенный в качестве аналогии С. Церной. Здесь одна крупная сидящая статуэтка, остальные — стоящие: 5 с выраженными женскими признаками, 5 — с мужскими, и пара фигурок с неясными признаками пола. Этот набор, на мой взгляд, ближе к набору фигурок из Думешт, относящемуся к периоду Триполье VI, а также в наборам фигурок из моделей жилищ в Гэлэешти (по доминированию крупной сидящей фигурки и разнополым стоящим), и не вполне соотносится с теми наборами, которые существовали в раннетрипольское время. И поза, и отсутствие стульчиков, и число фигурок также указывают на то, что представления, связанные с группой фигурок, здесь претерпели изменения относительно раннего Триполья.

Интересна параллель между наборами пластики и наборами амулетов. Между ними вполне могут быть числовые соответствия, но я бы не привязывал жестко этот ряд к семантическому полю статуэток, так как амулеты принадлежат к иной категории предметов. Их лучше было бы рассматривать в контексте костюма, цельность которого, к сожалению, уже навсегда утрачена.

Более интересная параллель — астрагалы и «фишки». Нумерология этих предметов уводит нас в область игры и связанных с нею мантических практик. Выявление принципов их функционирования в сопоставлении с системами игр и гаданий, распространенными в других культурах (см.: Стефанов и др. 2001; Кожин 2003; Klejn 1999), может быть одним из важных аспектов при выявлении ареалов этнокультурных групп и других палеокультурологических реконструкциях.

В перспективе важно не останавливаться, а привлекать к исследованию новый материал, рассматривая его в контексте тех находок, которые, как в наборах статуэток, представляют наличие несомненных связей между собой. Критика источников здесь необходима. В этой связи замечания Н. Б. Бурдо и В. И. Балабиной относительно достоверности реконструкции «святилища» в Сабатиновке II подтверждают высказанные мною сомнения в качестве раскопок и реконструкции этой постройки.

Критические отзывы важны для определения дальнейшего направления исследований. Они в той или иной мере отражают подходы, утвердившиеся в течение прошедшего столетия.

Я сознательно опустил в своей статье детальный обзор историографии вопроса, обратив внимание, прежде всего, на конкретный материал. Сожалею, что в своей рецензии упрекнул Р. Лижера за его излишнее внимание к дебатам вокруг «универсалистских» концепций (Палагута 2012: 736). Оказывается, эта тема все еще актуальна. Кроме книги Р. Лижера (Leasure 2011), где рассмотрению этих представлений посвящена целая глава, развитие идеи о едином

земледельческом пантеоне во главе с Великой Богиней в публицистике и научной историографии от эпохи романтизма (включая, к сожалению, забытых или не известных у нас Э. Герхарда, И. Г. Бахоффена, Дж. Харрисон и др.) до М. Гимбутас достаточно подробно проанализировано в статье Р. Хаттона (Hutton 1997).

Плодотворная критика возможна только при условии, что ее автор может предложить свой подход к решению рассматриваемой проблемы. Согласен с Н. Б. Бурдо, что достоверные интерпретации возможны «лишь для тех археологических источников, которые прошли все стадии изучения: систематизацию и классификацию». Согласен и с тем, что требуется серьезный источниковедческий анализ материала. Однако представляют ли результат такого анализа «иконографические типы», выделенные в работах Н. Б. Бурдо (2001, 2004)? Предложенный список «иконографических типов» включает готовые интерпретации типа «богини-коровы» и «богини-птицы». Чем обоснованы такие трактовки? Личными впечатлениями автора? Предвзятость в интерпретации пластики ярко проявляется на уровне описания фигурки из Яблони, изображающей якобы «женщину, обвитую змеями» (Бурдо 2001: 91, рис. 13/3; Бурдо 2004: 404). Конечно, «М. Элиаде отмечает, что образ змеи многозначен» (Бурдо 2004: 404), но как быть тогда с атрибутами фигурки, включающими пояс, перевязь (может, здесь именно португепя, так как на ней что-то висит), а главное — ясно обозначенный фаллос? Не являются ли эти «иконографические типы» фантазией автора, обращающегося в своих интерпретациях к идеям о «семиотических универсалиях» В. В. Иванова, работам Дж. Фрэзера, М. Элиаде, М. Мосса, А. Ф. Лосева и Р. Грейвса (Бурдо 2001: 91), а не к очевидному?

К рассмотренным Р. Лижером «универсалистским» гипотезам можно отнести и идею о наличии «общего культурного текста», на которую постоянно ссылается В. И. Балабина, считая ее давно доказанной и принимая ее за аксиому. Отсылка к исследованиям М. Ю. Лотмана приводит нас к культурам с устойчивой письменной и государственной традицией. Насколько обозначенные на этом материале универсалии соответствуют первобытности?

Если принять наличие такого «текста», неизменного на протяжении тысячелетий в пределах постоянно меняющегося ареала, то можно, конечно, попробовать интерпретировать пластику путем «собираания по кусочкам смысловых связей между предметами или образами» в пределах всего раннеземледельческого ареала подобно «игре в puzzle» (Балабина 2002). Но корректно ли при этом использовать в качестве материалов для построений изображения разного времени и относящиеся к разным археологическим культурам? Я не против гипотез об «иерогамии» или «молениях о дожде», но можно ли при этом использовать предложенный метод доказательства? Будет ли puzzle, «как кажется, связанный с тем же текстом» (Балабина 2002: 218), хоть сколько соответствовать реальности? Не такой ли подход, оторванный от конкретного контекста, приводит к продуцированию «нуль-гипотез»?

Разнообразие тем и персонажей искусства мелкой пластики раннеземледельческой Европы прекрасно демонстрирует набор из 43 антропоморфных фигурок и 11 миниатюрных моделей топоров и булав, обнаруженный недавно неподалеку от Белграда на поселении Стублине культуры Винча. Сгруппированные *in situ* по 10, 6 и 3, эти фигурки, каждая с отверстием в правом боку,

куда вставлялись несохранившиеся рукояти оружия, изображали группы вооруженных персонажей. Этот набор не имеет пока аналогий в европейской нео-энеолитической пластике и не соотносится с привычными представлениями о «раннеземледельческой религии». Но я полностью согласен с автором публикации сербским археологом А. Црнобрня, что эта композиция непосредственно моделирует некую социальную организацию (см.: Crnobrnja 2011).

Подводя итог дискуссии, относительно перспектив исследования раннеземледельческой пластики отмечу: совершенно ясно, что здесь мы либо продолжаем «игру в бисер» в рамках заданных парадигм, либо обратимся к поиску истины путем исследования конкретных материалов.

Литература

- Балабина В. И.* 2002. «Моление о дожде» и «иерогамия» (еще раз о некоторых невербальных текстах) // Мунчаев Р. М. (ред.). Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 207–220.
- Кожин П. М.* 2003. Теория и практика гаданий в древнем Китае // Кожин П. М. (ред.). Китайская классическая «Книга перемен» и современная наука. М.: НОУ «Луч», 19–28.
- Кременецкий К. В.* 1991. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. Москва: ИГ АН СССР.
- Палагута И. В.* 2012. Интерпретируя древние статуэтки: от «универсалистских» интерпретаций к искусствоведческому подходу. Рецензия на: Leasure R. G. Interpreting Prehistoric Figurines. Context, Comparison and Prehistoric Art. Cambridge: Cambridge University Press, 2011 // РАЕ 2, 734–737.
- Стефанов В. И., Коряков И. О., Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В.* 2001. Игральные кости срубно-андроновских памятников Урала и Западной Сибири // Колев Ю. И. (ред.). Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: ООО «НТЦ», 290–298.
- Crnobrnja A.* 2011. Arrangement of Vinča culture figurines: a study of social structure and organization // DP XXXVIII, 131–147.
- Hutton R.* 1997. The Neolithic great goddess: a study in modern tradition // Antiquity 71, 91–99.
- Klejn L. S.* 1999. The early evolution of the dice between the Danube and the Indus. Contribution to the early history of mathematics // Acta Archaeologica 70, 113–135.
- Leasure R. G.* 2011. Interpreting Prehistoric Figurines. Context, Comparison and Prehistoric Art. Cambridge: Cambridge University Press.